

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №2 2022 ГАЗЕТА

Николай Иванов / Реки помнят свои берега

95
1927-2022

Пятого декабря в городе Александрове прошло соборное собрание Русского мира. Этот день — значимый для истории страны и самого города Александрова. 5 декабря 2021 года Родина отмечает 80-летие битвы под Москвой. Тогда, в 1941 году, за родную землю стояли насмерть всем миром, ощущая глубокую личную ответственность за судьбу народа, страны, государства. Выстояли, освободив в 1945 мир от фашистской гиены.

«Все в жизни одного человека и в мире происходит по Промыслу Божьему, — считает участник Собора, главный редактор «Русской народной линии» Анатолий Дмитриевич Степанов. — Не верь русский человек в свою особую роль в спасении Божьего мира, не удалось бы остановить столь яростное тёмное нашествие. С нами Бог. И в годы военного лихолетья, когда Божье присутствие было явлено во всех основных сражениях Великой Отечественной, переломное в ходе войны танковое сражение на Прохоровском поле состоялось в день святых апостолов Петра и Павла. 6 мая 1945 года на православный праздник Георгия Победоносца наша армия взяла Берлин. С нами, русскими, Бог и сейчас. Надо услышать Его волю, понять, осознать и идти вперёд во имя Божьей правды и с любовью к людям».

Два года назад в Александрове произошло важное культурное и историческое общественное событие — открытие памятника самодержцу Земли Русской Иоанну Грозному. Этот государь всея Руси был не только просвещённым человеком своего времени, но и глубоко верующим православным христианином, все государственные решения которого соотносились с Божьей волей. Он сумел дать отпор внешнему врагу (полякам, монголо-татарам) и преодолеть внутреннюю смуту. Одна из задач нынешнего Собора — переложить мудрые принципы государственного устройства царя Иоанна на современный лад с учётом международной обстановки и сегодняшних по-

литических, экономических, экологических реалий. Для участников Собора Русского мира важно вычлнить здоровые идеи управления и дать им правильный вектор развития в обществе. Так «опричнина» трактуется, как явление дисциплинарное, которая основывалась на необходимой субординации и целью имела искоренение измен и предательства.

В 1548 году царь Иоанн Грозный впервые собрал Земский собор. Соборность — единение людей во имя общего дела. Соборность подразумевает доверие в общине, мудрое вразумление друг друга, совместное определение целей и

практические шаги по решению важных общественных инициатив. Кроме того, здесь должна присутствовать и духовная составляющая.

«Нельзя сеять смуту внутри общества, публично обличая государственных чиновников и правителей. Это может привести к гражданской войне. Государство созывало первые Соборы. Только вместе с властью, руководствуясь естественной для русских людей здоровой гражданственностью, можно преодолеть собственные болезни, экономический кризис страны, культурную деградацию и выполнить свою гуманную миссию на мировой арене», — произнес за «круглым столом» Анатолий Степанов.

Союз писателей России принял активное участие в работе Собора Русского мира. Соборность, как соучастие друг к другу, участники мероприятия ощутили уже в Москве. Возле станции метро ВДНХ всех приветливо встречал руководитель группы, сопредседатель Союза писателей России, Василий Владимирович Дворцов. Отношение его к людям иллюстрирует цитата из его же статьи «Сибирь. Русская сила»: «Я сибиряк» — и уже не боится повернуться к тебе спиной, не страшатся засветить сокровенное или приоткрыть болящее, пооб-

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №2 /1895/ Основана в 1927 г.

Николай Иванов

Реки помнят свои берега

Роман

Глава 8

— Оставим всё как есть. А тебя перебросим на другой участок.

— Нет.

Начальник Оперативного управления снова вчитался в рапорт Егора, словно в нём могли появиться какие-то новые объяснения по поводу его увольнения из налоговой полиции.

Сам Егор отрешённо глядел в окно. Оно располагалось ниже бетонного забора, выкрашенного в жёлтый цвет, и капитан поймал себя на мысли: а ведь это тупик. За последние два года он успел побывать и рядовым бойцом в Персидском заливе, и диверсантом в Колумбии, и политическим вредителем для Прибалтики, и охранником у Президента, и почти Героем несуществующей ныне страны. А теперь вот скатился до «семёрочника» с их легендарным, но слишком уж специфичным ДОФУ¹. И вынужден сидеть за жёлтым, как в психушке, забором, пряча лицо даже от сослуживцев по Маросейке. «Групповых фото не делать, из полиции дружбу ни с кем особо не заводить, потому что в любой момент можем пойти по следу какого-нибудь «оборотня», — не уставал повторять розыскникам начальник управления.

Итог жизни и службы?

— Не хочу. Не моё, — повторил в который раз Егор.

— Мы ещё долго будем встречать своих друзей, знакомых и даже родственников в самых неожиданных местах при самых невероятных ситуациях, — словно для самого себя тихо проговорил генерал, не обратив на заклинание капитана никакого внимания. Налил в чашку кипятка, но не для чая, а чтобы согреть на ней руки. Объяснился: — Потому что мы не сбежали, остались в стране, а в ней каждый выживает как может. Время паскудное, всех жалко, но, если останемся благородненькими, потеряем не только друзей, но и государство.

Егор усмехнулся. Но не словам генерала, а дежа-вю: ещё совсем недавно его точно так же уговаривали остаться служить в ГРУ и в «девятке» — и неизменно в интересах Отечества. Он оставался, служил, но что толку, если и страны, по большому счёту, уже нет.

— На «гражданке» нам без нормальной профессии только два пути, — продолжал размышлять генерал. — Первый — самому пойти в бизнес, что автоматически

¹ ДОФУ. «Дмитрий» — досмотр квартир негласный, «Ольга» — прослушка, «Федор» — фото скрытой камерой, «Ульяна» — сбор компромата.

означает криминал. Второй — лечь под кого-то. Третьего ларца не откроется.

— Пробьёмся, — не согласился с обоими вариантами Егор. Он не намерен ни под кого ложиться. Позвонит «Кап-разу» и уйдёт к нему в охранники.

— Это твоё дело, но... жаль. Мы бы сработались, — не уловив в голосе подчинённого сомнений, подвинул к себе рапорт генерал. Ещё мгновение подарил Егору на раздумье, отвинчивая колпачок в чернильной авторучке. Потом столько же — выбирая место для подписи. И, наконец, примериваясь к ней. Ну же, не стоит трепать нервы...

Треплет!

Резким движением начальник отодвинул рапорт. Повернувшись в кресле, открыл дверцу стоявшего за спиной сейфа. Взял лежавшую сверху прозрачную папку с парой листочков внутри. Похоже, они касались Егора, потому что генерал улыбнулся ему:

— Тут из Администрации Президента прислали твоё представление на Героя. Уважаю. Но... Поскольку этого звания уже нет, есть предложение представить тебя к ордену «За личное мужество». Не против?

Егор нервно, коротко хохотнул. Отыскалась пропаша. В таком усечённом виде? Только если не Герой, то и другого не надо.

— Я понимаю, не равноценно, но от паршивой овцы...

— Я не паршивым овцам служил, товарищ генерал! Родине.

— Извини. Ты прав.

Генерал собрал в одну стопку и наградные листы, и рапорт, отправил в сейф. Зато оттуда извлеклась пухлая, едва удерживаемая тесёмками, очередная папка. Приподнял её, чтобы посторонний не смог увидеть ни одной строчки. Всё правильно, Егор теперь — посторонний...

— Здесь всё о фигурантах, которых ты вёл. Но, как понимаешь...

— Я пока при погонах.

Однако генерал раскрывать папку не стал по другой причине: знал содержимое наизусть. Подвинул чистый лист бумаги, набросал на нём несколько квадратов, соединил их стрелами.

— Это — бумажный магнат Швеции. Это — карельский целлюлозно-бумажный комбинат, который даёт продукцию не хуже шведской и является, естественно, первым конкурентом в регионе. Шведы знакомятся с главным лесничим Карелии... Чему улыбаешься?

— Мой отец — тоже лесничий. Охраняет чернобельский лес.

— Ну-у, с ним вряд ли кто станет знакомиться, Чернобыль никому не нужен. А тут после знакомства лесничий выкупает несколько акций комбината и убеждает рабочих, что если на комбинат придёт иностранец, то он модернизирует производство, найдёт заказы, пойдут зарплаты — короче, набор де-

журных обещаний для попадания в рай. Так в России появляется некий господин Карл Оберг, который женится на русской...

На этот раз Егор сдержался из последних сил, чтобы не выдать себя. Ваня-холостяк, конечно, доложил о поездке, но рапорт написан вне зависимости от встречи с Ирой в поезде.

Генерал также никаким штрихом не выдал уровень своей осведомленности об отношениях Егора и курьера, продолжил сухой рассказ:

— Рабочие на собрании меняют собственника, и швед становится фактическим управляющим карельского комбината.

Как же спасти Иру?

— А теперь рассказываю инструкцию, как грабят Россию.

Генерал и впрямь достаточно подробно изучил карельское дело, потому что без запинки принялся раскладывать по полочкам аферу:

— Новое руководство остановило комбинат якобы на профилактику. Прекратив попутно подачу горячей воды в город.

— А что, на город одна котельная?

— Одна, потому что он и строился вокруг комбината. Наступала осень, и замерзающие жители принялись бунтовать. Одним из условий возобновления работы котельной швед потребовал ни много ни мало, а аренду лесных участков, где были сосредоточены основные запасы сосновой древесины. Плюс право её рубки без оплаты лесных податей. Плюс пятикратное сокращение численности рабочих.

— Зачем? — на этот раз искренне удивился Егор. — Ведь добыча-то увеличивается.

— А лес пошёл в Швецию, им на переработку, — как перед маленьким, который ищет спрятанную конфетку, развёл руками генерал. — Зато на самом комбинате под лозунгом замены оборудования начался его полный демонтаж. Вместе с разборкой самого здания. Но!

Тут оперативник сделал театральную паузу, давая единственному зрителю понять, что только теперь он приступает к самому главному. А чтобы ничего не упустить, всё же подвинул к себе суфлёра — папку с документами:

— Демонтировалась одна из самых современных бумагоделательных машин, — одна стопка документов из папки перекочевала на правый угол стола. — Под ликвидацию также попали две установки непрерывной варки, — вправо отправился ещё один документ. — Разобрали здание гидролизного завода. Корпуса, где изготавливалась сухая целлюлоза. Остановилась станция для сжигания отходов и получения пара, необходимого для производства бумаги. — Документы перемещались на столе конвейером. — Цех по производству бумажных мешков, способный производить до миллиарда штук в год, сворачивал производство до двадцати миллионов.

Две стопки оказались почти равными, в левой наверняка хранился компромат на шведа, который требовалось получить через Иру. Но Егор попробовал если не защитить её, то хотя бы разделить на всех ответственность за произошедшее:

— А куда мы смотрели?

— А кто ныне разрешит даже нам, налоговой полиции, смотреть в чужой двор? Да ещё иностранный? Недемократично и не по-рыночному, иначе ты враг перестройки. Единственная зацепка, по которой мы могли работать, — это добыть документы и доказать, что всё делалось по злому умыслу и предварительному сговору.

— А... швед давно на крючке?

— Как только заполучил комбинат.

Значит, после отъезда Иры. А если тень падёт и на Олича? Или брат за сестру не отвечает? Какие нынче времена за окном? Где сам Максим, на каком «холоде»?

— К нам пришла информация, что новое руководство снизило требования к качеству продукции. А это мгновенно дискредитировало комбинат на мировом рынке, — продолжил генерал, дав подчинённому время обдумать услышанное. — Снизилась выручка, и буквально за несколько недель комбинат стал работать в убыток. И это при том, что управленческие расходы увеличились в десятки раз — то есть деньги уходили в наличку. Наша бумага, которая давила конкурентов на Лондонской бирже, фактически сошла «на нет», оставив на рынке только шведов. Единственное, что сохранилось в рабочем состоянии — это варочное, вредное производство.

«Господи, чем я занимаюсь? Какого чёрта мне всё это надо? — с тоской глянул Егор в окно. Узкая полоска серого неба над жёлтым забором... Ничего не изменилось, ничто никуда не исчезло... — Почему я вообще здесь, в этой системе? Я, разведзверь! Превращаюсь в ищейку?»

— И что дальше с вредным производством? — спросил, лишь бы мысли о прошлой службе не задавили полностью.

Ответить не дал телефонный звонок. Однако генерал даже не обернулся на тумбочку с телефонами, посчитав разговор с Егором более важным:

— А под него шведы планируют получить международный кредит. На решение экологических проблем края. Эти документы вы тоже должны были добыть в поезде у курьера, потому что вопросы экологии уже «решены»: Оберг сумел договориться с международными и нашими экологическими организациями, что к комбинату штрафные санкции применяться не будут. То есть деньги — снова себе в карман, а экология Карелии — побоку. Всё. Отчёт закончен. Чай будешь? А я с семи утра как студент перед зачётом, — хлопнул ладонью по стопке книг по бухчёту. Сделал глоток остывшего чая. — А возвращаясь к нашим баранам, то есть шведам, — думай,

насколько тебе постыдно пресекать такой бандитизм в отношении собственной страны.

Генерал оглянулся на телефоны, но они молчали. Кивнул на сейф, поглотивший рапорт Егора:

— А с этим давай всё же повременим. А тебя и впрямь перебросим на какое-нибудь другое направление. Хочешь сталью заняться? Или рыбой? Нефтью? Везде бардак и везде всё мимо кассы. Сутки на размышления. Иди.

Егор ни настаивать на своём, ни просить о чём-либо не стал. По мере того, как ему раскрывалась афера с лесом, терялась единственная зацепка за гражданскую жизнь: он не пойдёт служить к «Капразу», которого самого впрямь вытаскивать из клоаки. А в первую очередь всё же надо оградить от шведа Иру. Даже несмотря на то, что у них будет ребёнок...

В свой кабинет не стал возвращаться, толкнул дверь на улицу. Когда-то она не хотела открываться и впускать его в здание. Как невнимательны мы к приёмам!

Ветер выворачивал зонты у прохожих, заставлял втягивать головы в плечи. Холодный дождь замыкал людей в себя, горизонт для них заканчивался если не козырьком собственной шляпы, то всего лишь пятками впереди идущего человека. Однако не успел Егор сделать несколько шагов в сторону метро, через дорогу наперерез машинам к нему перебежала Оля. Уже приставлена следить за ним? Есть и такой способ — демонстративная слежка, с давлением на психику...

— Привет.

Оля покраснела, опустила взгляд: ни для кого не секрет, что мужчина начинает ненавидеть ту женщину, которая увидела его слабым. Но пересилила себя и спросила:

— Тебе чем-нибудь помочь?

— Мне?

Подобного участия Егор Буерашин не ожидал. Слезы, истерика, ненависть, презрение — первым в патронташе оставленной женщины лежит именно этот арсенал. Оля не такая? Собственно, он её и не оставляет. Оставить можно то, что тебе принадлежало. А стоявшая перед ним девушка — просто случайная знакомая, которая, тем не менее, своей самоотверженностью заслуживала большего к себе уважения. А обиды он мог оставить при себе...

— Слушай, а как ты сегодня после работы? Давай хоть раз поужинаем вместе. Вон что-то рыбное напротив, — кивнул на вывеску с вареными раками.

У Оли имелось свободное время и сейчас, но она чутко уловила: на данную минуту Егор хочет остаться один. А вечером — так вечером. Улыбнулась, кивнула и исчезла, растворилась среди толпы одиноких прохожих. Добрый человек, добровольно ставший серой мышкой...

«И при этом никто не тянул за язык», — вздохнул Егор, потому что вечером уж тем более он не хотел бы ни с кем встречаться. Ему надо думать, что делать

с Ирой. Она обещала позвонить, не разрешив проводить себя с вокзала. Куда уехала на такси? К бывшему мужу? Максима ведь нет в Москве... Или передавать документы? Пошла ли за ней другая «наружка»?

Тронулся в сторону метро, увёртываясь от зонтов, выставленных щитами. Ах, Москва, Москва, умеющая одновременно быть и убогой, и величавой. Чванливая к одним и готовая делиться последним с другими. Возвышающая людей и уничижающая их до пыли под подошвами чиновников. Город-мечта и город-проклятие. Место, где среди многомиллионной толпы можно испытать страшное одиночество и где невозможно остаться наедине со своими мыслями.

— Разрешите, — попросили его обогнать две девушки, боявшиеся оторваться мизинчиками друг от друга.

Разрешает. Всем всё разрешает. А сам ступает с узкого тротуара в лужу...

Но и в ней не нашлось покоя: паркующийся джип помигал фарами — освободи местечко. Хоть обратно лети в Колумбию, в пещеру, где он был нужен всем.

Ноги промокли, и он возвратился в здание. В кабинете на столе лежала оставленная напарником бумажка с написанным телефоном. Ира! Позвонить мог кто угодно, но он почувствовал — она. Если бы сосед знал, какая женщина звонила, он бы вывел каждую циферку каллиграфическим почерком.

Схватился за трубку.

— Егорушка, милый.

Егор обомлел. Так его ещё никто не называл с детства. Но испугался другого — нутром почувствовал, что у Иры уже что-то произошло. Оттянул ворот рубашки с удушливой петлёй галстука, обреченно готовясь услышать подтверждение догадке.

— Я могу попросить тебя о встрече?

— Куда подъехать?

— Давай просто погуляем после работы. На «Пушкинской».

«Около «Пушкинской» газета «Известия», — машинально отметил Егор. — И первый в стране «Макдоналдс».

Нет, это была не машинальность — он прятался за известные ему штрихи, чтобы не думать о том, что могло произойти с Ирой. А думать придётся...

И только выбежав уже в сумерках из здания и увидев на противоположной стороне Олю, вспомнил о своём обещании ей поужинать кроватками. Стал как вкопанный. Влетел. Сразу четырьмя колёсами в такую выбоину...

Оля, вначале легко махнув рукой, настороженно замерла, увидев, как Егор с усилием заставляет себя переходить дорогу. И едва он оказался рядом, сложила в мольбе руки:

— Прости, но... меня бросают на передовую. Кто-то из девочек заболел...

Егор не смог скрыть просветления на лице. Неужели не придётся выкручиваться?

— Ну вот... Тогда, может, завтра?

— Давай сначала посмотрим, что будет завтра, — не стала торопить события Оля.

— Хорошо, — охотно согласился и с этим Егор. Не сдержавшись, посмотрел на часы — Ира начинает собираться на встречу. А с Олей он обязательно ходит поужинать. В лучший ресторан. Таким женщинам, как она, должно доставаться всё самое лучшее.

— До завтра, — словно почувствовав его нетерпение и спешку, отпустила Оля.

Когда Егор, торопливо кивнув, исчез за прохожими, горько усмехнулась. Подошла к телефону-автомату. Кусая губы, медленно набрала номер.

— Это я. Уговорили: я выхожу сегодня в ночь.

— Но ты только что...

— Всё течёт, всё меняется.

— Ладно, меня уговаривать не надо. Но как только тебе потребуется день... Или ночь... И не будем смешить ничьи подковы.

— Не потребуются, — оборвала Оля и нажала на рычажки. — Не потребуются, — повторила для себя и, не выдержав наигранности, расплакалась.

Улыбка сошла и с лица Иры, когда она увидела идущего к ней по лужам, тараном сквозь толпу, в распахнутой ветровке Егора. На что-то решившегося. А ей не нужно сейчас никаких резких движений. Никаких! «Умоляю!» — поспешила выбросить ему навстречу то ли белый флаг, то ли щит.

Не заметил, прошёл сквозь женскую мольбу и попросил сам:

— Бросай всё и всех, будь со мной.

Ответ безошибочно прочёл в потухшем взгляде Иры: идти в девятиметровку общежития с общим коридором и общим туалетом? В ситуации, когда неизвестно как пройдут роды? Часами бегать по Москве за пакетом молока?

Скорее всего, было ещё что-то в этом потухшем взгляде, но Ира умоляла больше не терзать её сердце. Потому что... потому что она боялась поддаться чувствам, забыв про разум. И тогда... Нет-нет, заглядывать за черту опасно, за ней размоется сознание, а похмелье окажется горьким. Не по восемнадцать лет обоим. Просто не там бродили их ножки по стёжкам-дорожкам в юности, если не соприкоснулись. А сейчас слишком поздно что-то менять...

Прикрыл глаза и Егор, гася свою вспышку. С этим теперь надлежало как-то жить — Ира никогда не станет его. Она, собственно, и не была никогда его...

— Отдохнула хоть?

— Домой заезжала. — Она сама заговорила о неприятном, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. — Поговорили с мужем. Он... простил. Понял и простил. Всё хорошо. Всё хорошо? — попросила подтверждения, дёрнув за рукав.

— Хорошо. Но можно попросить тебя...

— О чём? Ну, — поторопила Ира, когда Егор умолк, не решаясь подступиться к главному. Если швед посылает беременную жену в качестве курьера — это не есть «всё хорошо». Но как сказать об этом? Где грань между намёком и служебной тайной? — Ну же! — ей не терпелось перевести разговор, а в голосе Егора мелькнули спасительные нотки.

— Обещай, что до родов больше не будешь никуда ездить.

— Да я прекрасно себя чувствую.

— Прошу тебя. Умоляю. Поклянись.

— Что-то случилось? — вновь насторожилась Ира. Слишком настойчива мольба...

— Нет-нет, я... ты мне очень дорога. Поэтому умоляю. Дай слово. Прошу.

— Хорошо, даю.

Скосил глаза на пакет в её руках:

— А у тебя ещё какие-то дела есть в Москве?

— Особо нет. Передать вот эти бумаги Карла его партнёрам — и свободна. Кофе попьём?

— А... когда встречаетесь? — не упускал главного Егор.

— С партнёрами? Так вот и идём к памятнику Пушкину.

Но Егор застыл. То, что о месте передачи бумаг известно на Маросейке, сомнений не вызывало. Эх, Юрка-Юрка, тащил в налоговую на интересную службу и хорошие деньги, а получилось, что на эшафот...

— Слушай, а можно... мне переговорить с ними? Командир мой увольняется со службы, ищет себе работу, а вдруг у них какое место для него подвернётся?

Ира посмотрела недоверчиво, но Егор скосил глаза на кругляш уличных часов.

— Я скажу, что ты задерживаешься. А я бежал в эту сторону, посодействовал, — нашёл совсем уж детскую причину для «неожиданной» встречи Егор и сам усмехнулся её несерьёзности. И чему учили в «наружке»? — А ты меня подождёшь вон в том кафе, займёшь столик.

Сделав вид, что поверила, Ира протянула пакет.

...Ах, Пушкин, Пушкин, несчастный Александр Сергеевич. Сколько встреч и разлук свершилось у твоего пьедестала, сколько цветов несли сюда, но не тебе, а маленьким, не дотягивавшимся даже до твоего постаментов, женщинам. Впрочем, ты сам любил их и посвящал им лучшие строки, вознося до неземных высот.

Егор выглядел двух мужчин, поэтому вместо букета держал в руках пакет с бумагами. Документы представляли оперативный интерес, были архиважны для полиции, и группа захвата их не упустит. Зато Ира останется юридически чиста: контакта с партнёрами не произойдёт, в её руках ничего нет. Зато никто не простит измены ему, и генерал первым вытасит из сейфа рапорт. Или напишет собственный. Где его опера? Под какую баночку сока или фару в автомобиле закамуфлированы их видеокамеры?

Оглядел подступы к памятнику. Ни врозь, ни в парах крепких ребят из физзащиты не выявил. «Прочистил» лавочки: в большинстве своём девушки ждут, волнуются, теребят сумочки, поглядывают на часы, подслеповато разглядывают себя в зеркальцах. Впрочем, всё то же самое проделывала бы и «наружка».

А вон и двое в клетчатых кепках, с дипломатами. Явно выискивают нужный объект. Но Иры нет. И не будет. Ей рожать, а не сидеть в СИЗО за шпионские игры мужа.

Вроде никто из окружающих не дёрнулся при появлении джентльменов, если не считать, что одна из дамочек спрятала зеркальце. Наверняка наблюдала через него приближение шведов. Да или нет? Забросила ногу на ногу. Сигнал? Всё же мудры оказались организаторы налоговой полиции, поселив «наружку» изолированно от всех: никто её не видит в коридорах Маросейки, 12 и не знает в лицо. Так «да» или «нет»? Да или нет — уже без кавычек, потому что времени не остаётся даже на них...

— Извините, вы ждёте Иру от господина Оберга? — стремительно подошёл к мужской парочке Егор.

Едва те недоуменно кивнули, протянул им пакет. Но ещё раньше — на мгновение, ровно на время, пока задавался вопрос, с лавочек вспорхнули девичьи — и та, с зеркальцем, тоже! Женская группа — ждали Иру. Ближняя, отбросив зонтик, в прыжке перехватила руку шведа с полученным пакетом. За спиной незнакомцев выросли-таки крепкие парни, до этого устанавливавшие рекламный щит. А когда Егор легко вывернул руку из девичьего захвата, его тут же подбили сзади по ногам, завалили на землю. Воткнули лицом в мокрый, исполосованный шрамами от скребков и лопат, изъеденный оспами выбоин асфальт. А он и не стал сопротивляться. Лишь бы Ира не прибежала на помощь!

— Кино снимают, — послышалось чьё-то недоверчивое предположение. — Вон камера.

Однако его развеял знакомый голос Ванихолостяка:

— Зря ты это сделал. Не надо было смешить ничьи подковы.

Глава 9

На Суземку падал непонятно откуда взявшийся в апреле снег. Старец-морозец из последних силёнок исхитрился ночью прихватить землю, и белое покрывало ложилось ровно, незримо нарастая невесомым пухом.

Вера смотрела на него из окна больницы. Оксана после капельницы уснула, и хватка, которой она впиалась в её руку, ослабла. Можно было потихоньку собираться домой, но лучше посидеть в тепле, чем танцевать в лёгких полусапожках на остановке.

— Начинается «тихий» час, надо освободить палату, — подошла медсестра.

Возраста она была одинакового с Верой, но медицинский халат позволял распоряжаться, и Вера безропотно высвободила руку из ладошки сестры. Вышла в полутёмный коридор.

— Центральную дверь уже закрыли, выйдешь через «Скорую помощь».

«Скорая помощь» должна принимать, помогать, а тут — выпроваживает...

На лестничной площадке от них испуганно отшатнулся врач: похоже, он уверовал в «тихий» час и тайно покурил в неположенном месте. Возможно, сам же и гонял персонал за подобные прегрешения, потому что покраснел, начал торопливо кивать обоим свидетелям, выискивая оправдание:

— Мне... э-э, поговорить с вами, — увидел спасение в Вере.

Медсестричка безоглядно исчезла в коридоре, окурок ловкостью фокусника растворился в одной из щелей подоконника. Вера напряглась перед извещением.

— Вы, наверное, замечали, что ваша сестра... э-э, стала утомляться, ей не доставало дыхания, появилось головокружение, — теребя нос, начал издали врач. Только Вере и этого оказалось достаточно, чтобы замереть. Это что, ей припишут плохой досмотр за ребёнком? Она виновата в болезни Оксаны? Но никакой одышки, никаких головокружений не проявлялось...

— У вашей сестры... э-э, компенсированные, скрытые симптомы...

— Что? — выдавила из себя Вера.

— ...порока сердца. Подобное проявляется... э-э, в период полового созревания. Хорошо, что вовремя спохватились и привезли.

— Что делать? — вытаскивала клещами информацию Вера. Ведь это же не страшно? Было бы серьёзно, уже везли бы в больницу в Брянск.

— Между двумя плоскостями сердца есть клапан, — продолжал разжёвывать врач, и это уже становилось страшно. При пустячной болячке так анатомии по полочкам не раскладывают. — Левое даёт... э-э, БКК — большой круг кровообращения, правое — гонит кровь в лёгкие... У сестры же клапан перестал выполнять свою функцию и погнал венозную кровь... Короче, нужна по возможности... э-э, срочная операция по замене клапана.

— Я согласна, — встрепенулась Вера, хотя никакого согласия под ружьём бы не подписала. Важно было отрезать пути отступления врачу, чтобы не оставил без присмотра сестру. А потом уже разбираться дальше.

Врач с лёгкой усмешкой вновь постучал пальцем себе по носу, хотя мог бы, наверное, и около виска: откуда ты, девочка? В какое время живёшь? Социализм кончился...

— Сейчас это... э-э, дело платное.

— Дорого?

Врач оглядел Веру, вздохнул. Так вздыхают риэлторы, оценивая покупательскую способность своих клиентов: ваших сбережений хватит на один метр в кухне. В доме на самой окраине города.

— А... очередь? Очередь же какая-нибудь есть? — не хотела верить в безнадёжность Вера. Тронула за халат доктора — не молчите!

— В очереди можно стоять до светлого будущего.

От его «светлого будущего» пахло таким холодом, что Вера передёрнулась. Врач развёл руками — извините, я обязан говорить правду. Но попробовал дать маленькую надежду, прекрасно осознавая, что её нет:

— Вы зайдите ко мне... э-э, завтра утром, я ещё раз просмотрю кардиограмму, анализы...

Вера закивала: да-да! Конечно, завтра. Потому что сейчас он говорит, не выверив до конца диагноз. Просто спасает таким образом своё реноме борца с курением. А завтра всё окажется по-другому. Или надо сменить врача, потому что они ошибаются даже чаще учителей...

— Но деньги всё равно надо... э-э, искать. И срочно. И много. Извините.

Едва Вера вышла из больничных ворот, из припорошенных машин-скворечников голодными птенцами высунули головы таксисты-частники. Не усмотрев в поникшей фигурке денежной стати, унырнули обратно в тепло. Интересно, сколько они зарабатывают в день? Сколько надо им наездить, чтобы набрать нужную Оксане сумму? Её тоже скажут завтра?

Около остановки сидела вечная, как женские страдания, рябоватая бабуля, на этот раз торгующая парой старых галош. Может быть, даже снятыми с собственных валенок, покорно застывших в наметённых сугробиках. А сколько галош надо продать, чтобы набрать на операцию? Если б хватило, она согласна сидеть торговать рядом...

На Веру торговка повела одними глазами, но узнала:

— Нынче до Журиничей не добежишь — застынешь. Так что жди автобуса.

Ей хотелось поговорить, она даже чуть стяхнула с плеч снежные, явно доросшие до генеральских, погоны. У Веры настроения к разговору не было, оглянулась на железнодорожный вокзал. У его входа вывешивали пограничные флаги и указатели, и это вдруг потрясло Веру, зримо дало понять: Советского Союза и в самом деле больше нет, если зелёные фуражки теперь не в Бресте, а здесь, в центре страны. Поэтому и Оксашка оказалась беспомощной перед болезнью?

— Грустная ты, детка, — не отставала торговка. — Может, подсоблю каким советом? Я тут всех знаю. Что у тебя в Журиничах?

— Пионерские организации закрыли, — начала Вера с самого дальнего. — Должность в школе сократили.

— Это да. Это лопату с топором ещё никто друг у друга не вырвал, а вот кресла свои начальники будут защищать как Брестскую крепость. — Старуха смахнула варежкой снег с галош. Может, всё же спросить, сколько выручает за день? — Я вон сижу на двух гнутых копейках весь день, а в селе хоть и трудно, но продержаться можно. Ты только руки не опускай.

«Я-то что, я могу. Тут об Оксанке речь», — вздохнула Вера. Но, поскольку продавщица оказалась первым человеком, поинтересовавшимся её положением, не сдержалась, поведала и другую причину грусти:

— У меня сестра с братом на опеку. Не будет работы — отберут снова в детдом. Такие законы.

Про самое страшное — болезнь сестры и деньги — не заикнулась. Это развеется завтра. Ещё посмеются с Оксаной над ошибкой врача.

— Тогда «ой», — признала тяжёлыми даже услышанные проблемы галошница. — Ходить теперь тебе, милая, по начальству. Пусть помогают. Замуж за богатого бы посоветовала, да нетути их нынче свободных. А нормальных... На кладбище надясь навывалась, у мужа прибраться к годовщине, так будто на дискотеку попала — одни молодые вокруг лежат.

Вера кивнула, сразу со всем соглашаясь и благодаря за участие. Пошла к вокзалу пересидеть время в тепле.

— Вера Сергеевна! Вера Сергеевна!

К ней разлаписто, напоминая деда, бежал Васька, подъехавший, скорее всего, на разворачивавшейся около хлебного магазина машине. Слава богу, не одна!

— Здравствуйте, Вера Сергеевна. А я с крёстным. Он по делам, а я собрался в больницу зайти. Как там?

— Там сейчас «тихий» час, не пустят.

Васька хоть и вытянулся выше её, но Вера притянула его к себе, как маленького. А на деле, сама припадая хоть к одной родной душе, так вовремя оказавшейся рядом.

Васька почувствовал эту беззащитность, неловко и стыдливо погладил учительницу по спине. При этом сам попытавшись сжаться, сделаться незаметнее — не хватало ещё, чтобы кто-то увидел его тельчьи нежности.

Рядом остановилась машина крёстного, Никита кивнул из открытого окна — залезайте в тепло. Неужели и впрямь хоть здесь повезло и они доедут до Журиничей засветло? И на билете сэкономит...

— Я сбегая хлеба купить, — оставил её одну Васька.

— Что с сестрой? — поинтересовался Никита, едва Вера устроилась на заднем сиденье — кожаном, чистом, благородном даже на вид. Близким знакомством похвастаться они не могли, но, когда человек спрашивает о твоей боли, откроешься. Вон, бабуле почти всё рассказала...

— Порок сердца, — впервые произнесла Вера страшный диагноз. И надо быть готовым к тому, что утруп он не изменится.

— Плохо, если так, — пробормотал Никита, с тоской оглянувшись на исчезающего в магазине Ваську. Вере показалось: пожалел, что вязался со своим сердобольством в чужие неприятности. Только она никому не собирается навешивать на шею свои гири. А до дома может доехать на автобусе, всё равно эти билетные копейки не спасут.

Тягостное молчание нарушил Васька, прибежав с двумя батонами в руках. Увидев слёзы в глазах учительницы, испуганно замер. И тогда крёстный поднял руки, призывая к вниманию:

— Есть предложение. Мы с Василием покрутимся по своим делам, а тебя на время доставлю к своему товарищу. Его дома нет, не бойся, — успокоил Веру, хотя та сидела отрешённо, не способная ни в чём сопротивляться. — А завершим всё — и в Журиничи. Пойдёт?

Не дожидаясь согласия, тронул машину и через пару минут затормозил около огромного кирпичного особняка на окраине Суземки. Похоже, Никита слыл здесь своим, потому что охранник, вышедший на гул мотора, приветственно поднял руку.

— Вера Сергеевна побудет здесь, а часа через полтора я вернусь, — отдал ему Никита распоряжение.

Вера никогда не бывала в подобных хоромах. Огромный холл с телевизором на стене, просторнейшая кухня с раздвижными дверьми, винтовая лестница на второй этаж. Это сколько денег надо иметь, чтобы выстроить подобное? На операцию точно бы хватило и половины...

— Ждёшь нас здесь, — отдал приказ Никита. А когда она, не соглашаясь, подалась назад, придержал: — Чай на кухне. Вскипяти и для нас, — попросил, видя, что вожатая не тронет здесь и маковой росинки. — Мне надо встретиться с одним человечком тет-а-тет, но не оставлять же тебя на улице мёрзнуть.

Мёрзнуть не хотелось, и, пока Вера оглядывалась и примерялась к дому, сам выскользнул за дверь.

— Освоится, — успокоил Василия, мнущегося у крыльца. — А ты чего толстеешь? Тельняшка уже на пупок не налазит.

— Да я уже... турник поправил, начал заниматься.

— Давай держи себя. А теперь на переговоры.

Крестник хотел сказать о больнице, но вспомнил про «тихий» час. Нашупал в кармане шоколадку. Нет бы вместо «Аленки» назвать её «Оксанка»...

Крёстный остановился недалеко от милиции, к ним тут же подскочил на своём мустанге Борис. Никита прошёл к нему, заглянул внутрь машины, с кем-то поздоровался. Кивнул Василию — подойди.

Лучше бы не подходил. В джипе Бориса сидел, отрешённо разглядывая нож с козлиным копытцем, их участковый. Васька покрылся испариной: нож он потерял во время пожара в лесу...

— Не знаешь, случаем, чей это? — показал ему находку Околелов.

Крёстный и фермер переглянулись перед ответом, и Никита, не давая крестнику соврать, потянулся за ножом. Взвесил на руке его приятную лёгкую тяжесть.

— Таковую вещь грех держать взаперти. Сколько стоит выкупить?

— Это вещдок, — улыбнулся Околелов, не сводя взгляда с Василия. А тот облизывал пересохшие губы: так вот зачем крёстный и Борис звали его в Суземку. В милицию! Но ведь это они же и заставляли его поджигать деревья...

— Иди в машину, — приказал крёстный.

Участковый не возразил, и Василий на ватных ногах вернулся на своё место. А может, Никита с Борисом как раз и выручают его? Иначе разговор вёлся бы в кабинете. Только бы не в тюрьму. А он больше ни словом, ни ногой, ни ноготком с фермером. Ни за что и никогда. Только бы пронесло сейчас!

Пальцы продавили корку в буханке хлеба, он отломил кусок, стал машинально жевать. А если ещё и дед узнает...

Хлопнула дверца в машине Бориса. Лучше не поворачивать головы, не поднимать глаз. Какой же он дурак! А они ещё подхваливали. Только кого много хвалят, тех сороки уносят.

— Держи. — Крёстный протягивал ему нож. Как и положено, рукояткой вперёд. — Держи, держи, вопрос закрыт.

Давая крестнику время отдышаться, вернулся к Борису. Попрошался с вцепившимся в полевую сумку, словно в кошелёк, Околеловым. Проводив его усмешкой, повернулся к Борису:

— С ним всё ясно. Но я не понимаю другого: у тебя в доме одиноко сидит принцесса, а он с нами и каким-то Околеловым...

— Какая принцесса? В чьём доме? — не понял Борис.

— А у тебя что, ещё одни хоромы есть? Только учти, мы скоро будем там же. Что успеешь, то — твоё.

Вера так и не сделала ни одного шага вглубь комнаты. Как присела на лавочку около раздевалки, там её Борис и застал. Возможно, он уже догадывался о госте, тем не менее постарался сделать удивлённое лицо:

— Ты?

— Я... меня... — подхватила Вера. — Я ничего...

Уж она-то никак не предполагала, что хозяин дворца — Борис. Хотя почему бы и нет, если есть возможность разъезжать на такой машине.

— Так и хорошо, что здесь. Раздевайся. — Борис протянул руки принять пальтишко, и Вера впервые в жизни приняла подобное, как в кино, ухаживание. Никита с Васькой ведь сейчас приедут? — Тапочки любые, все новые. Пошли, пошли, — подтолкнул девушку. — Здесь ещё убираться и убираться, а... некому. Чай, кофе?

У Веры глотка простой воды во рту не было с утра, и она закивала, соглашаясь на что угодно. Присела у круглого обеденного стола, хотя следовало, конечно, помочь хозяину. Но она здесь никто, а в чужом доме столом не распоряжаются.

Борис принёс пакеты с конфетами, печеньем, глубокую тарелку под них, прихваченные за ручки-хвостики чашки. Вера улыбнулась мужской неприязнительности, перехватила угощения, принялась сервировать стол. Только бы не повторилось то, что при первой встрече, в машине. Но столько времени уже прошло. И где-то рядом Никита с Васькой.

Поймала взгляд замершего рядом хозяина:

— Вы... что?

— Что-что. Красивая. И хочу что-то сказать.

Вера пожала плечами. За комплимент, конечно, спасибо, но общих новостей у них с Борисом нет. А что было в машине и в лесу — то хотя и не забыто, но и не на первом плане. У мужчин руки раньше ума выросли.

— Оставайся у меня. Навсегда.

Подошёл, обнял сзади за плечи. Бережно. Вера тем не менее выскользнула на волю. И что значит «навсегда»?

— Никита сказал про сестру. Если ты будешь здесь, у меня, мы ей поможем быстрее. Давай вместе...

Закончить предложение не дали — с улицы протяжно засигналили.

— Давай вместе...

Сигнал раздался вновь, словно пытаясь отрезвить обоих. Борис нервно подошёл к окну, отдернул шторку, резко махнул рукой — уезжайте. Вера поняла жест, но препятствовать, сопротивляться не стала. Борис сказал о главном — о помощи Оксашке. Он хочет, чтобы она работала у него здесь уборщицей? Убирала дом? Она согласна. А до дома и впрямь доедет на автобусе...

— Погоди, здесь не хватает кое-чего. — Борис метнулся на кухню, вернулся с бутылкой вина и двумя рюмками. Дунул в них, убирая пыль, и Вера опять улыбнулась мужскому качеству чистоты. Пить не станет, но рюмку подняла в надежде, что Борис повторит про помощь. Сколько станет платить за уборку? Даже если как в школе, и то хорошо. А она ещё и по начальству пойдёт, права снежная бабуля на остановке. У порога ляжет, а пусть Оксане помогают. Советской власти нет, но совесть-то должна остаться.

— За тебя.

Вера кивнула, но рюмку отставила.

— А лучше давай за твою сестру. За то, чтобы выздоровела. И не будем оставлять на дне обид.

Первым опрокинул рюмку, показал пустое дно Вере. Та, вздохнув, зажмурилась и тоже опрокинула в себя оказавшееся сладким вино. Скосила глаза на тарелку с вкусоностями, стащила с края печенюшку. Борис подал чашку с чаем, но лучше был бы кофе, который так приятно пахнет из банки.